По Сухонѣ.

Москва.
Типо-литографія Н. Н. Куманина, Мясницкая, близъ Почтамта.
1900.

По Сухонѣ.

„О Сѣверъ, сѣверъ чародѣй!“

Тютчевъ.

Одиннадцать часовъ вечера. Пароходъ „Луза“, переполненный пассажирами, только что собирался отчалить отъ Вологодской пристани. „Помолимся Богу!“—раздался голосъ капитана. Не успѣлъ я снять фуражки и перекреститься, какъ съ палубы послышалось стройное пѣніе: „Царю Небесный!“... Дружно запѣли голоса, и подъ звуки молитвы пароходъ нашъ медленно и плавно тронулся въ путь. Быстро стали отходить берега, скоро и Вологда скрылась въ ночномъ туманѣ, но еще темнѣли зданія пригородовъ—Кобылина и Турундая. Вотъ и они скрылись. Ночь была тихая и ясная. Берега Вологды низменны и заросли травами и кустами, рѣка не широкая, справа и слѣва открылись безпредѣльныя пространства, ночной воздухъ свѣжѣлъ и гналъ пассажировъ въ каюту, но мы долго еще любовались необычною картиною. Семинаристы—которые были въ числѣ пѣвцовъ—затянули пѣсню, за нею другую, и стройно разливалась она въ ночной тиши. Къ нимъ пристроился господинъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ и кокардой. Онъ подпѣвалъ умѣло и вѣрно своимъ звучнымъ и пріятнымъ басомъ. Невольно спросилъ я его: „Вы любите пѣніе?“—„Я солидаренъ со всѣми поющими!“—внушительно отвѣчалъ онъ. Мало по малу и семинаристы, ѣхавшіе на вакацію по домамъ, удалились на ночлегъ. Ушелъ и

господинъ съ кокардой. Мы остались, чтобы дождаться слiянiя Вологды съ Сухоной, и дождались. Широкая рѣка приняла въ себя нашу Вологду, и мы поплыли уже внизъ по Сухонѣ. Берега все также низменны, но уже болѣе извилисты.

Спали мы хорошо въ покойной каютѣ. На другой день (19 iюня 1890 г.), когда взошли па палубу— солнце было высоко. Передъ нами смѣнялись и уходили берега, показались рощи и большiя деревни съ прочными, просторными избами, крытыми тесомъ, съ множествомъ рыбачьихъ лодокъ на берегу. Въ селахъ живописно бѣлѣли церкви съ остроконечными колокольнями. На встрѣчу попадались пароходы и баржи—плоты съ дровами и лѣсомъ.

Уже далеко за полдень забѣлѣлись издали зданiя Тотьмы. Церкви и колокольни на большомъ разстоянiи производятъ хорошее впечатлѣнiе, и городъ казался большимъ и довольно красивымъ. Но когда подходишь ближе, впечатлѣнiе мѣняется. Капитанъ намъ объявилъ, что въ Тотьмѣ будутъ стоять около часа. Мы поспѣшили съѣздить въ Спасо-Суморинъ монастырь, чтобы поклониться Св. Θеодосiю Тотемскому.

Никакъ не ожидалъ я найти въ отдаленной Тотьмѣ такого сильнаго и замѣтнаго отраженiя Петербургскаго влiянiя конца царствованiя Алексанра I. Постройки здѣсь окрашены охрою, тяжелыя и неуклюжiя, и это особенно бросается въ глаза въ Спасо—Суморинѣ монастырѣ, гдѣ многое отзывается временами Фотiя и Аракчеева... И въ монастырской ризницѣ все полно воспоминанiями о Павлѣ и Александрѣ I и вообще—довольно мрачно и холодно. Приложившись къ ракѣ Св. Θеодосiя. мы поспѣшили на пристань, и вовремя: уже раздался свистокъ парохода, указывавшiй, что пора двинуться въ путь.

Отъ Тотьмы начинается Нижняя Сухона. Это лучшая часть рѣки. Берега становятся выше и разнообразнѣе. Лѣса тянутся по обѣ стороны, деревни живописно разбросаны по берегамъ, избы съ свѣтелками и балконами. Рѣка все время дѣлаетъ изгибы, и

на каждомъ поворотѣ открывается новая, неожиданная картина. Трудно оторваться отъ палубы. Нашъ спутникъ съ краснымъ околышкомъ оказался членомъ Вологодскаго окружнаго суда, ѣхалъ онъ въ первый разъ въ Архангельскъ для свиданія съ семьею, которая на лѣто отправилась туда на морскія купанья. Къ вечеру погода до того стала хороша, такъ было тихо и ясно, живительно послѣ дневнаго зноя, что мы съ наслажденіемъ пристроились на кормѣ парохода поближе къ красному околышку, который тѣмъ временемъ опять собралъ около себя добровольный хоръ любителей. Затянули хоровую, одна пѣсня смѣнялась другою, быстро внизъ по теченію двигался нашъ пароходъ, берега становились все лучше, все круче рѣчные овраги и разнообразнѣе изгибы Сухоны. Пароходъ мѣстами шелъ почти у самаго берега, слышно было пѣніе птицъ, кряканіе коростелей, отовсюду благоуханіе лѣсное, то и дѣло сновали чайки, летая надъ пароходомъ; онѣ ныряли въ рѣкѣ или плыли у береговъ. Это не путешествіе, а чудная прогулка — словно сказочная. Долго сидѣли мы на палубѣ, любуясь разнообразными очертаніями береговъ. При ясномъ закатѣ солнца, среди всеобщей тишины, стройно раздавались звуки хоровой пѣсни...

Надвинулась ночь — но уже сѣверная, свѣтлая ночь, и чѣмъ ближе къ Устюгу, тѣмъ чувствительнѣе становился Сѣверъ.

На пароходѣ кормятъ не дурно, имѣются двѣ покойныя семейныя каюты; не считаю большого общаго помѣщенія. Мы проспали трудное для лоцмановъ мѣсто подъ названіемъ „Опоки“ — здѣсь перекаты, затрудняющіе плаваніе. Нужно было торопиться, чтобы не опоздать въ Устюгъ. День былъ опять жаркій и солнечный. На палубѣ уже много народу — всѣ всматриваются въ даль, не видать ли Устюга?..

И вотъ вслѣдъ за притокомъ Кобылинымъ на лѣвомъ берегу забѣлѣло зданіе. Это монастырь Св. Филиппа митрополита. — „Сейчасъ покажется! — “ заговорили въ толпѣ. Еще поворотъ рѣки, и здѣсь Сухона

уже вдвое шире прежняго. Вотъ надъ поверхностью воды показалась церковь—за нею другая, третья, шире и шире раздвигается Сухона—еще новыя показываются церкви, и нѣтъ имъ конца—передъ нами всплылъ весь Великій Устюгъ, и не даромъ прозванъ онъ „Великимъ". —Такого удивительнаго, необычайнаго зрѣлища мы не ожидали. Яснѣе и яснѣе очертанія церквей и зданій. Вотъ одинокая глава ярко заблистала подъ солнечными лучами. „Это Соборъ Прокопія Устюжскаго",—пояснялъ кто-то;—„а вотъ и городской Соборъ", церкви: Параскевы Пятницы, Ильи Пророка, Архангела Михаила, Дмитрія Прилуцкаго, Сергія Радонежскаго... И всѣ они отражаются въ свѣтлыхъ волнахъ рѣки, и разливъ ея такъ широкъ, что вамъ кажется, не приморскій ли городъ передъ вами? Съ правой стороны одиноко на горѣ возвышается монастырское зданіе, оно царитъ надъ всѣмъ Великимъ Устюгомъ, и вамъ говорятъ: „Это Гледенъ!" (ГЛАДЕНЪ) (glanden).

Пароходъ нашъ приближается къ пристани. Вы видите множество судовъ и лодокъ, теперь уже ясно, что городъ не такъ великъ, какъ вамъ показалось издали, что онъ весь почти состоитъ изъ церквей.

Въ 10 часовъ вышли на берегъ. Мы были въ Великомъ Устюгѣ. Но куда дѣваться въ незнакомомъ городѣ? Исправника въ то время не было—мы толкнулись къ городскому головѣ. Домъ его каменный, двухъ-этажный, на центральной городской улицѣ, но подъѣздъ со двора. Мы поднялись по лѣстницѣ и отшатнулись отъ зловонія. Заспанная дѣвушка съ трудомъ вышла на продолжительный звонокъ. Долго мы не могли добиться ничего: „они спятъ"—былъ отвѣтъ. А между тѣмъ время было далеко не раннее—одиннадцатый часъ. Кое-какъ убѣдили ее доложить хозяину, что мы пріѣзжіе, я далъ свою карточку. Черезъ нѣсколько времени дѣвушка пришла сказать: „Пожалуйте въ гостиную". Опять долго ожидали, пока не растворилась дверь и не вышелъ хозяинъ—заспанный, видимо наскоро одѣтый. Человѣкъ онъ

уже зрѣлый, съ обстриженными усами, какъ у духовенства. Встрѣтилъ онъ сухо, точно просителей. Мы объяснили, что такъ и такъ — прибыли въ невѣдомый городъ, не знаемъ, гдѣ найти ночлегъ, и пришли узнать отъ него, какъ у городскаго головы, гдѣ бы намъ лучше пристроиться и есть ли гостинница?—А на пароходѣ насъ предупредили весьма опредѣлительно, что гостинницъ приличныхъ нѣтъ и что вѣрнѣе остановиться на частной квартирѣ. Хозяинъ указалъ намъ на гостинницу „Россія“. Мы возразили, что по слухамъ она очень плоха. „Нѣтъ, нечего,—возразилъ хозяинъ: тамъ хорошо— да вѣдь другой и нѣтъ“, — и при этомъ онъ далъ намъ понять, что мы ему сильно надоѣли своими вопросами. Видимъ, что хозяинъ не догадливъ— дѣлать нечего нужно говорить яснѣе: „А нельзя ли найти частную квартиру?“—„Да гдѣ же?“—равнодушно, какъ бы процѣживая слова, отвѣтилъ хозяинъ. „Ну, въ такомъ случаѣ, мы обратимся въ другое мѣсто“—и сдѣлали видъ, что уходимъ.—„Вотъ развѣ у *** — это комнаты „генеральскія“, онѣ у насъ въ распоряженіи“.—„Такъ о чемъ же ты думалъ?“—мысленно сказали мы себѣ. Вяло, медленно, неохотно написалъ онъ на карточкѣ моей двѣ строки хозяйкѣ этой „генеральской“ квартиры.—„Только тамъ продовольствія нѣтъ, придется въ гостинницѣ Россія“,— процѣживаетъ лордъ-меръ. Мы разстались.

Генеральская квартира дѣйствительно оказалась чистенькимъ деревяннымъ, двухъ-этажнымъ домомъ, въ комнатахъ прибрано, на окнахъ герань. Пожитки наши внесли, и мы кое-какъ расположились. Изъ окна виднѣлись желтая башня и глава Архангельскаго монастыря. Все оказалось очень близко. Мы поспѣшили съ визитомъ къ помощнику исправника.— „Почиваетъ“,—былъ отвѣтъ. „Хорошій сонъ у устюжанъ!“—думаемъ себѣ. За то передача моей карточки произвела здѣсь магическое дѣйствіе. Началась возня, насъ ввели въ комнату, и засуетившійся старичекъ, еле одѣтый въ мундиръ, впопыхахъ сталъ теряться

въ привѣтственныхъ фразахъ.—Мы не хотѣли его безпокоить, но прислуга настояла.—Помощникъ исправника прикомандировалъ къ намъ пристава г. Квинтова и городоваго въ полное распоряженіе. „Теперь Устюгъ нашъ“,—сказали мы себѣ, и дѣйствительно съ этого момента все шло, какъ по маслу. Приставъ г. Квинтовъ оказался рязанскимъ помѣщикомъ, весьма обходительнымъ и смѣтливымъ человѣкомъ. Онъ тотчасъ сообразилъ, что намъ нужно, отчего, зачѣмъ и почему, и по совѣту его часы были распредѣлены, какъ нельзя лучше, такъ какъ нужно было окончить осмотръ до слѣдующаго дня, когда предполагался обратный пароходъ изъ Архангельска въ Вологду.

Мы начали осмотръ съ Собора - гдѣ почтенный отецъ протоіерей, древній старецъ, далъ намъ интересное старое описаніе его. Здѣсь въ Соборѣ главная святыня—икона Божіей Матери Одигитріи.

Съ Соборомъ рядомъ, по лицемъ къ берегу Сухоны стоитъ соборъ Прокопія Устюжскаго и тутъ же церковь Св. Іоанна Христа ради юродиваго — Устюжскаго же. Зашли сначала къ послѣднему, потомъ къ Блаж. Прокопію. Признаюсь, съ особеннымъ чувствомъ увидалъ я раку этого Святаго—перваго Христа ради юродиваго на Руси. Соборъ не великъ и теменъ—къ сожалѣнію внутри значительно подновленъ. Только справа отъ иконостаса виситъ чудная шитая икона Св. Прокопія, вся унизанная жемчугомъ. Она стоитъ обстоятельнаго описанія и изданія. Рака помѣщается за лѣвымъ клиросомъ, она серебряная, массивная съ тяжелымъ балдахиномъ, уже новѣйшаго издѣлія. У раки большой каменный сосудъ въ родѣ водосвятной чаши, высѣченный изъ куска аэролита. Камень этотъ взятъ съ поля въ 20 верстахъ отъ Устюга—гдѣ и донынѣ разбросано множество камней, такихъ же аэролитовъ, послѣ извѣстнаго каменнаго дождя, бывшаго въ XIII вѣкѣ при жизни Св. Прокопія. Блаженный во время грозившей всему Устюгу бури молился о сохраненіи города,—и „каменный дождь“ не коснулся его. Сюда, на это поле ежегодно напра-

вляется изъ Прокопіевскаго Собора крестный ходъ. Мы отслужили молебенъ Св. Прокопію и прослушали его молитву. На паперти другой аэролитъ хранится, какъ образецъ размѣра каменнаго дождя. Онъ также привезенъ съ того же поля. Теперь, говорятъ, камни эти вросли въ землю, такъ какъ мѣстность болотистая. Съ паперти Собора любовались мы берегами Сухоны, далеко виднѣется широкая рѣка, и волны ея сливаются съ Югомъ, образуя Сѣверную Двину. Издали вода кажется цѣлымъ моремъ, и въ разливъ должно быть картина необычайная. Здѣсь и донынѣ перевозъ на южную сторону. Съ этого мѣста Прокопій Устюжскій любовался Сухоной и молился за переправляющихся. Отсюда особенно хорошъ красующійся издали монастырь „Гледенъ". Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе происхожденія этого названія-„Гледенъ", но принимая сомнительное общепринятое толкованіе, отъ слова „глядѣть", является вопросъ—откуда глядѣть лучше, съ монастыря ли на сліяніе Сухоны и Юга, или съ паперти Собора на эту гору, нѣкогда окруженную древнимъ Устюгомъ? Старое поселеніе было на южной сторонѣ. Не безопасность ли отъ вражескихъ нашествій заставила жителей изстари перебраться на Сѣверную сторону, болѣе обезпеченную? Но во времена Блаж. Прокопія Устюжскаго городъ былъ на Сѣверной сторонѣ, хотя населеніе жило и на другомъ берегу, гдѣ рядомъ съ Гледеномъ и донынѣ стоитъ древняя церковь с. Пухова. Это родина Іоанна Юродиваго называется селомъ, и отъ него не болѣе полуверсты до Гледена и до береговъ Сухоны. Пухово входило несомнѣнно въ составъ древняго Устюга. Тутъ же другая церковь близъ Гледена, по прозванію—„на Морозницѣ". Во времена Бл. Прокопія Сухона сворачивала прямо на Гледенъ у Собора. Слѣды древняго русла сохранились вполнѣ. Можно возстановить такимъ образомъ ту картину, которую при старомъ теченіи рѣки имѣлъ передъ глазами Бл. Прокопій, сидя на любимомъ своемъ камнѣ близъ соборной паперти У него передъ гла-

зами было дѣйствительно цѣлое море, и переправа черезъ рѣку представляла нѣчто не легкое. И нынѣ эта преправа продолжается около часа. Закусивъ весьма скудно въ грязнѣйшей гостинницѣ Россія, мы поспѣшили къ переправѣ, чтобы въ тотъ же день попасть въ Гледенъ.

Недалеко отъ Прокофьевскаго Собора перевозъ. Мы припомнили важное и особое значеніе перевозовъ въ древности, и сильное явилось желаніе узнать, какое было мѣсто перевозовъ древняго Устюга? На паромѣ столпился народъ. Медленно по канату двинулись въ путь—всего прошло около часа, пока мы не пристали къ противоположному берегу. Все время любовались мы Устюгомъ. Для насъ подготовленъ былъ возница, и мы поѣхали прямо въ Гледенскій монастырь въ сопровожденіи все того же пристава. Странное и грустное впечатлѣніе производитъ этотъ уединенный, нынѣ упраздненный монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Устюгѣ. Чѣмъ ближе мы подходили къ нему, тѣмъ мрачнѣе казались намъ эти желтыя запущенныя и забытыя стѣны. Вошли въ ограду—широкій дворъ его весь заросъ травой и бурьяномъ. Нигдѣ нѣтъ признака жизни. Штукатурка отвалилась, стѣны кое-гдѣ покосились, окна выбиты, крыша ветхая. Только въ углу близъ одной изъ башенъ деревянной ограды еле живой домишко, въ которомъ помѣщается единственное живое существо на Гледенѣ—старикъ монахъ, приставленный блюстителемъ этихъ развалинъ. „Службы здѣсь никогда не бываетъ,—объяснилъ намъ этотъ монахъ: да и служить некому“. Насъ поразилъ странный типъ этого монаха съ длинной сѣдою бородой, говорилъ онъ какъ-то несвязно, путался въ словахъ, и совершенный былъ невѣжда. Онъ скоро самъ призналcя намъ, что онъ Минскій уроженецъ, изъ военныхъ, происхожденіемъ еврей и еле грамотный.

Чего ожидать отъ такого блюстителя? Онъ повелъ насъ прежде всего въ Соборъ, гдѣ иконостасъ поражаетъ безвкусіемъ и реставраціей неудачной эпохи

Петровскихъ художественныхъ новшествъ. Этотъ безобразный иконостасъ не вяжется съ древними стѣнами Троицкаго Собора. Мы проникли въ алтарь и оттуда въ притворъ, гдѣ нашли старый шкафъ, весь наполненный старыми бумагами и книгами, другая большая часть грудою валялась на полу, покрытая густыми наслоеніями пыли. На всѣ вопросы монахъ—еврей отвѣчалъ безсмысленно и безтолково. Попробовали поискать въ этой грудѣ,— трудъ напрасный: что можно сдѣлать въ нѣсколько минутъ тамъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ забыли о порядкѣ? Случайно поднялъ я книгу—оказалась вкладная и синодикъ монастырскій. Я далъ расписку въ полученіи ея и взялъ съ собою для Общества Древней Письменности. Ммѣ стало какъ-то особенно тяжело въ этомъ Соборѣ, и я поспѣшилъ на чистый воздухъ, чтобы по крайней мѣрѣ полюбоваться чуднымъ видомъ на сліяніе Сухоны и Юга. Передъ тѣмъ однако любовались мы удивительными изразцовыми печами, чудомъ уцѣлѣвшими въ монастырѣ. Нашъ проводникъ не придавалъ имъ никакого значенія и уже началъ ихъ закрашивать.

Заросшая тропинка ведетъ отъ ограды къ обрыву, видѣли мы древнюю могильную плиту—но надпись разобрать было невозможно.

Мы шли по кочкамъ и черезъ ямы, направляясь къ обрыву. Невольно переносилась мысль къ былому, все говорило вамъ, что мы въ „Старомъ“ Устюгѣ, когда-то кипѣвшемъ жизнью; за монастыремъ среди поля одинокая церковь с. Пухова, а еще далѣе— „Морозница“. За то впереди какое раздолье, какой необъятный просторъ! Безконечные луга, весной обращаемые въ цѣлое море съ старымъ русломъ Сухоны, и тутъ же возвышенный правый берегъ Юга, и вдали сліяніе обѣихъ рѣкъ, и широкій разливъ Сѣверной Двины! Югъ течетъ съ юго-восточной стороны отъ предѣловъ древняго Хлынова—это старый торговый путь изъ Устюга въ Вятку—волокомъ „Прокофьевскимъ“, по рѣчкѣ Прокофьевкѣ.

Мы долго сидѣли на этомъ обрывѣ и не могли наглядѣться на синѣющую даль,-на Сѣверную Двину и на весь Великій Устюгъ, который красовался передъ нами съ золотымъ куполомъ Прокопіевскаго собора. И неужели тайна этого перваго Христа ради юродиваго на Руси—тайна его жизни, повѣренная имъ отцу Стефана Пермскаго—клирику Симеону—навсегда останется недоступною и неразгаданною?—Подавленные впечатлѣніями, полными загадочныхъ образовъ, мы покинули одинокій древній Гледенъ и вернулись тою же дорогой къ парому. День былъ жаркій, а спутники мои торопились погрузиться въ волны Сѣверной Двины. Проѣхали мы черезъ весь городъ къ песчаному берегу рѣки. Отсюда Двина, величественно разливаясь, несетъ свои волны въ предѣлы Архангельскіе. Купаніе отличное, только теченіе такъ быстро, что нужны силы и опытность, чтобы одолѣть его. По берегу много камней, тутъ и рыболовныя снасти и множество лодокъ.

Въ городѣ заглянули мы къ послѣднему изъ славившихся когда-то Устюжскихъ мастеровъ, работавшихъ на финифти и серебрѣ. Искусство это быстро падаетъ, и поддержать его никто не думаетъ. Такъ сглаживаемъ мы всюду и вездѣ всякіе слѣды самобытности и мѣстнаго отпечатка—не замѣняя его ничѣмъ, кромѣ громкихъ фразъ объ общемъ благѣ и любви ко всему человѣчеству. Старикъ хозяинъ глуховатъ—въ домѣ его тѣсно и темно, тутъ же у него и мастерская. Въ окнѣ втораго этажа вмѣсто занавѣски виситъ портретъ Петра III! Съ удивленіемъ спросилъ я хозяина, почему такой почетъ именно этому Государю?—„Да вѣдь это Сигизмундъ!“-говоритъ удивленный хозяинъ, и я не могъ убѣдить его, что портретъ не Сигизмунда, а Петра III. Сдѣлали мы небольшой заказъ и еще накупили мѣстнаго издѣлія шкатулокъ съ секретными замками и съ музыкой. Давно уже наступилъ вечеръ, но мы не могли его замѣтить—такъ было свѣтло. На пристани стоялъ пароходъ „Вага“, прибывшій изъ Архан-

гельска. На другой день онъ долженъ былъ пойти въ Вологду. Мы рѣшились на немъ переночевать и забрали всѣ свои пожитки. Въ 12 ч. ночи на палубѣ парохода Ваги мы ужинали вчетверомъ зернистою икрою, свѣжею семгою архангельскою и ухою изъ налимовъ. Было свѣтло, почти какъ днемъ, читать можно было, какъ среди бѣлаго дня. Воздухъ былъ чистый, ночь тихая, и передъ нами Великій Устюгъ, погруженный въ глубокую дремоту. Только изрѣдка раздавался плескъ воды у безчисленныхъ лодокъ на берегу многоводной Сухоны, чистой какъ зеркало.

Мы заснули богатырскимъ сномъ.

На слѣдующее утро успѣли мы повторить поѣздку въ Архангельскій монастырь и очень безуспѣшно — отвѣты все одни — ключи у отца эконома, а его дома нѣтъ. Дѣлать было нечего, мы заглянули въ Предтеченскій монастырь на Сокольей горѣ, гдѣ нашли порядокъ и привѣтъ. Игуменія съ сестрами встрѣтила въ соборѣ. Протоіерей поднесъ описаніе монастыря. Еще разъ зашли поклониться ракѣ Св. Прокопія и вернулись къ пароходу. Насъ проводили: приставъ, игуменія Предтеченскаго монастыря и городской голова, сдѣлавшійся вдругъ разговорчивѣе. По третьему свистку пароходъ Вага отчалилъ отъ берега.

Долго стояли мы на палубѣ, желая какъ слѣдуетъ проститься съ Великимъ Устюгомъ. Все дальше и дальше отходили отъ насъ церкви и зданія города. Вотъ и послѣдній крестъ исчезъ за береговымъ откосомъ... Видѣніе скрылось.

Пароходъ Вага нѣсколько больше Лузы и лучше его помѣщеніемъ каютъ. Въ числѣ пассажировъ былъ ксендзъ съ дамою и ребенкомъ. Лучшая часть Сухоны — между Устюгомъ и Тотьмою. Такимъ образомъ то, что мы прошли ночью, теперь пришлось видѣть днемъ. Ничего подобнаго по красотѣ мы не ожидали встрѣтить. Жаль, что берега эти не описаны, какъ слѣдуетъ, что не имѣется имъ ни фотографій, ни рисунковъ! Наши художники смотрятъ въ другую

сторону и направлять ихъ трудно. Заграницею умѣютъ цѣнить свое и выставляютъ его на показъ. Мы сами не знаемъ, какая у насъ красота, и мало у насъ влеченія къ познанію своего родного. Сюда нарочно слѣдовало бы пріѣхать для изученія этихъ дивныхъ береговъ. Когда доживемъ мы до художественныхъ описаній нашихъ рѣкъ съ ихъ памятниками, населеніями, церквами и преданіями, еще сохранившимися? Меня особенно поразили два мѣста: перекатъ Опоки, между Устюгомъ и Тотьмою, и село Шуйское—уже ближе къ Вологдѣ. Опоки считаются опаснѣйшимъ мѣстомъ для плаванія. Здѣсь—перекатъ, вода мелка и плаваніе затруднительно. Тѣмъ легче и дольше можно любоваться берегами. Лѣса безъ конца тянутся по обѣ стороны, то и дѣло глубокіе овраги и ущелья—васъ поражаютъ сибирскія пихты, и большія села съ деревнями—по вершинамъ этихъ береговъ. Подъ самыми Опоками крутой поворотъ рѣки. Пароходъ останавливается, чтобы запастись дровами. Передъ вами почти отвѣсный берегъ, и съ шумомъ льется водопадъ. Говорятъ, что видъ сверху—восхитительный.

Ночью подходили мы къ селу Шуйскому—небо было совершенно ясно, и ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Безконечный рядъ избъ тянется по обоимъ берегамъ Сухоны. Бѣлыя церкви съ такими же колокольнями отчетливо выступаютъ на темномъ берегу, освѣщенныя луною. Вы видите, какъ впадаетъ въ Сухону широкій притокъ. Это Шуя—древній путь изъ Устюга черезъ Галичъ въ Кострому... Насъ уже сильно клонило ко сну, но жаль было разставаться съ палубой, и пока с. Шуйское не исчезло изъ виду, мы не спускались въ каюту. На другое утро мы были въ Вологдѣ.

* * *

Гостинница, въ которой мы остановились, на большой площади, недавно отдѣлана. Въ ней чисто и удобно. Столъ очень хорошъ. Мы размѣстились

въ трехъ смежныхъ комнатахъ, и я поспѣшилъ навѣстить зятя П. И. Савваитова—Н. М. Суворова, редактора Епархіальныхъ вѣдомостей, чтобы отъ него узнать, какимъ образомъ приступить къ осмотру достопримѣчательностей Вологды. Суворовъ — вологодскій старожилъ, уже старикъ, рекомендовалъ мнѣ своего сына—Ивана Николаевича Суворова, который любезно предложилъ быть нашимъ спутникомъ.

Начали мы съ болѣе отдаленнаго и для меня болѣе интереснаго монастыря Спасо—Прилуцкаго. Монастырь этотъ, основаный современникомъ Пр. Сергія Дмитріемъ Прилуцкимъ, Переяславцемъ, расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ на большой Архангельской дорогѣ.

Между послѣдними домами пригорода и монастыремъ, виднѣющимся издали, поле, на которомъ во время нашего проѣзда учились стрѣльбѣ.

Прилуцкій монастырь величественъ и хранитъ видъ древности. Расположенъ онъ на самомъ берегу Вологды. Прежде всего мы увидѣли монастырскія ворота весьма замѣчательнаго зодчества, вступивъ въ ограду еще до начала обѣдни. Намъ бросились въ глаза нѣкоторая запущенность зданій, пустынный дворъ, заглохшій, хотя и красивый, старинный садъ съ прекрасными деревьями. Въ Соборѣ шла передѣлка, и не безъ труда проникли мы къ ракѣ Св. Дмитрія. Въ саду открывается прекрасный видъ на Соборъ. Вдоль монастырскихъ стѣнъ переходы изъ башни—славный видъ на всю Вологду. Мы поклонились могилѣ К. Батюшкова, похороненнаго въ оградѣ у собора. Одиноко стоитъ его могила, хотя несовсѣмъ еще забытая. Настоятель архимандритъ Анатолій пригласилъ насъ къ себѣ на чашку чаю. У него двѣ келліи, зимняя и лѣтняя, послѣдняя помѣстительная,—отдѣльный домъ съ высокими, просторными комнатами, съ портретами архіереевъ по стѣнамъ. Видно повсюду, что когда-то монастырь процвѣталъ, но теперь нѣсколько оскудѣлъ. Къ архимандриту Анатолію пришелъ казначей, монахъ вертлявый, бойкій и бы-

валый. Онъ сразу заявилъ намъ о своихъ Петербургскихъ связяхъ, о прежнихъ посѣщеніяхъ нашего дома и дома Потемкиныхъ. Типъ любопытный, но непріятный. Такъ, совершенно неожиданно, обращаясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Какъ при дворѣ жалѣютъ объ вашей тещѣ!“ Ему, очевидно, хотѣлось щегольнуть связями со дворомъ.

И. Н. Суворовъ устроилъ такъ, что намъ предложили осмотрѣть ризницы и библіотеки. Самъ архимандритъ Анатолій насъ сопровождалъ и лично показывалъ достопримѣчательности. Жаль, что такъ мало пользуются досугомъ для приведенія въ порядокъ своихъ собраній. Ризница богатая, въ библіотекѣ не мало рукописей, а для справки ничего нѣтъ подъ рукою. Описи не составлено и не напечатано. Настоятель повидимому готовъ на все, лишь бы ему указали, что нужно—въ интересахъ монастыря, которымъ очевидно интересуется. Онъ жалуется на скудость средствъ. Неужели не найдется радѣтеля, который не пожелѣлъ бы привести въ исправность славную древнюю обитель, украшеніе Вологды? Прилуцкій монастырь—памятникъ историческій и на него должно обратить вниманіе. Здѣсь нашли себѣ покой князья Рюриковичи, племянники великаго „Собирателя“—столь неразборчиваго въ средствахъ расправы съ своими близкими. Въ синодикѣ монастырскомъ записаны Шереметевы. Здѣсь же въ монастырѣ—семейная усыпательница Боборыкиныхъ Я намекнулъ Суворову, насколько желательно было направить Настоятеля на старый путь, но получилъ въ отвѣтъ, что врядъ ли чего можно достигнуть.

Мы вернулись въ Вологду, чтобы позавтракать. Подали мѣстную рыбу, знаменитую нельму. Уха дѣйствительно была отмѣнно хороша.

Остальную половину дня мы посвятили на осмотръ домика Петра I, устроенаго Предводителемъ дворянства Волоцкимъ. Для начала весьма недурно, тутъ и инвалидный домъ, и садикъ съ пушками на берегу Вологды. Но въ домѣ еще довольно пусто для музея,

и, главное, это учрежденіе еще не обезпечено. Нельзя однако же ему не сочувствовать.

Тутъ же у Петровскаго домика церковь Θедора Стратилата, а насупротивъ во „Фрязиновѣ“—церковь Андрея Первозваннаго. Наискосокъ отъ Фрязинова на правомъ берегу рѣки—Кобылино. Это сопоставленіе именъ наводитъ на размышленіе, и тѣмъ болѣе, что за Фрязиновымъ еще существуетъ донынѣ Кобылкина улица съ любопытною древнею церковью Константина и Елены. Между бояриномъ Θедоромъ Андреевичемъ Кошкою и Св. Дмитріемъ Прилуцкимъ—несомнѣнная связь, начинающаяся съ предѣловъ Переяславскихъ и кончающаяся принадлежавщими Кошкѣ Кобылинскими селами надъ Вологдой. Самый переходъ Св. Димитрія Прилуцкаго въ Вологду врядъ ли былъ чуждъ этимъ связямъ. Въ Переяслаcкомъ же уѣздѣ селеніе ГЛѦНДЕНЪ, Староселье тожъ, упоминается въ писцовыхъ книгахъ. Предѣлы Переяславскіе—родина родителей Преподобнаго Сергія, современниковъ отца Θедора Кошки—Андрея Кобылы. Преподобный же Сергій Радонежскій-другъ Стефана Пермскаго, дѣятельность котораго въ лицѣ его матери Маріи (жены Устюжскаго клирика Симеона) ознаменована предсмертнымъ благословеніемъ Блаженнаго Прокопія.

Осмотрѣли мы и музей Кустарныхъ издѣлій, закупили мѣстной наливки, морошки и поленики—у Первушина, были въ Свято-Духовскомъ монастырѣ, гдѣ все ново съ иголочки, кромѣ раки Угодниковъ.

Здѣсь особенно драгоцѣнны древности, вывезенныя изъ Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ. Въ этотъ монастырь можно изъ Вологды доѣхать на пароходѣ рѣкою и до самаго острова, на которомъ расположенъ древній монастырь Спасо-Каменный. Закончили мы осмотръ Соборомъ, построеннымъ при Грозномъ, возлюбившемъ было Вологду. Сюда мечталъ онъ перенести столицу. Соборъ величественъ, но и сильно изуродованъ уничтоженіемъ древней колокольни, которая замѣнена новымъ и

безобразнѣйшимъ зданіемъ. Попробовали проникнуть въ Соборную ризницу. Развязный священникъ съ бѣлыми воротничками и щеголеватыми ухватками не безъ ироніи спросилъ, чего намъ нужно? Когда же онъ узналъ. что мы любители старины, то съ нѣкоторымъ глумленіемъ отозвался о древностяхъ и ввелъ насъ въ просторное помѣщеніе ризницы, съ усмѣшкою проговоривъ, что древность—это тлѣніе. При этомъ поднялъ онъ лежавшую кое-какъ драгоцѣнную пелену и въ доказательство своего мнѣнія о тлѣнности повернулъ ее крайне небрежно. Здѣсь невообразимый безпорядокъ, царство невѣжества и пренебреженія къ предметамъ древняго искуства! На полу валяются груды книгъ, драгоцѣнныя рукописи и бумаги—словно въ забытомъ Гледенскомъ монастырѣ, и это въ соборной ризницѣ! Мы обмѣнялись впечатлѣніями съ Суворовымъ, съ которымъ тутъ же у Собора разстались, поблагодаривъ его за любезное содѣйствіе въ бѣгломъ осмотрѣ Вологодскихъ достопамятностей.

Грустно видѣть равнодушіе и невѣжество тамъ, гдѣ оно всего менѣе соотвѣтствуетъ преданіямъ минувшаго.

Въ общемъ Вологда оставила намъ хорошее впечатлѣніе. Древній городъ русскій, когда-то знаменитый, перепутье на большомъ торговомъ пути, мѣсто убѣжища Царей и Великихъ князей въ Смутное время правленія,-Вологда центръ сѣвернаго подвижничества. Она окружена древними знаменитыми обителями неутомимыхъ колонизаторовъ нашего Сѣвера—тяготѣвшихъ къ общему своему руководителю и наставнику, Великому Сергію, игумену Радонежскому.

Отъ Вологды по пути въ Ярославль близъ Грязовца виднѣется знаменитая обитель Комельская, основанная Св. Корниліемъ Крюковымъ. Немного далѣе около слѣдующей станціи—монастыри Павла Обнорскаго и Сергія Нуромскаго. Жаль, что мы не имѣли времени заѣхать въ эти обители.

Но главная святыня Вологодскаго края—завѣтное богомолье Царей и всей земли Русской — это преславная и преименитая обитель Бѣлозерская, имѣвшая кагда-то въ Вологдѣ свое подворье, прославленная подвигами Великаго Кирилла... Туда, къ берегамъ Бѣлаго озера, въ сосѣдство обители Св. Ферапонта Можайскаго — уже давно влечетъ меня по старому слѣду почивающихъ въ стѣнахъ Бѣлозерскихъ—опальнаго боярина и воеводы Ивана Васильевича Большаго Шереметева, во иноцѣхъ Іоны, и государственнаго дѣятеля временъ смутныхъ — боярина Ѳеодора Ивановича — во иноцѣхъ Ѳеодосія.

Съ каждымъ годомъ все болѣе влечетъ къ этому таинственному Сѣверу. Здѣсь, думается мнѣ, разъясненіе и разгадка многимъ темнымъ вопросамъ нашей древности. Сюда должны быть направлены по преимуществу поиски нашихъ изслѣдователей старины.

Графъ Сергій Шереметевъ.

25 іюля 1899 г.
Михайловское.